

Пролог

ЙОРКШИР, ДЕКАБРЬ 1980 ГОДА

Сидя за письменным столом, я смотрю на простирающиеся за окном голые поля верховых болот, над которыми завывает ледяной декабрьский ветер. Небо сплошь затянуто плотными серыми облаками. Говорят, что на Рождество выпадет снег, но вряд ли кто-то знает это наверняка. Здесь, в горах Йоркшира, никто никогда не может сказать, чего ждать. Все живут надеждой, что ситуация улучшится, и иногда эта надежда подвергается суровому испытанию — особенно весной, когда зима никак не хочет прощаться, как назойливый гость, который упорно топчется в прихожей, вместо того чтобы наконец сделать шаг к двери. Пронзительные крики голодных птиц разрезают воздух, и холодный дождь бьет путнику в лицо, если он, укутавшись, бредет по илистой дороге, тая в себе воспоминания о солнце и тепле, как о бесценном сокровище.

Сейчас, в декабре, мы по меньшей мере живем ожиданиями Рождества. Не то чтобы Рождество слишком много значило для меня, но оно является маленьким проблеском в кромешной тьме. Раньше я любила этот праздник, но тогда это был дом, полный людей, голосов, смеха и споров. Повсюду были рождественские украшения, целую неделю что-то пекли и ва-

рили, устраивались праздничные вечеринки и торжественные обеды. Никто не мог организовать праздник так, как моя мать. Я думаю, именно вместе с ее смертью исчезла и моя радость от рождественских праздников.

Лора, старая добрая Лора, моя последняя подруга, старается, чтобы все выглядело как можно красивее. Перед этим я слышала, как она несла с чердака коробки с рождественскими украшениями. Лора включает внизу проигрыватель, и вот уже звучат рождественские песни, и она старательно развешивает над каминами елочные гирлянды. По крайней мере, она чувствует себя занятой.

Ее отличает трогательная привязанность ко мне и к дому, но порой она действует мне на нервы, когда семенит за мной, как маленькая собачонка, пытливо вылупив на меня свои дитячьи глаза. Лоре 54 года, но на лице сохранилось выражение испуганной девочки. И уже никогда не изменится. Она была еще совсем юной во время войны, когда ей пришлось очень многое пережить, а о лечении психологических травм тогда вряд ли кто-то знал. Была надежда, что пройдет само по себе, но такое случалось не всегда.

Похожей была судьба и моего брата Джорджа. Он, как и Лора, не смог преодолеть тот кошмар в одиночку. Есть такие люди. Они не могут справиться с опустошением, которое судьба произвела в их душах.

За окном постепенно смеркается. В небе кружатся редкие снежинки. Я с нетерпением жду вечера. Сяду у камина, потягивая старый виски, Лора расположится рядом со своим вязанием и, надеюсь, будет в основном молчать. Она очень милая, но не отличается особым интеллектом и сообразительностью. Я всякий раз теряю самообладание, когда Лора рассуждает о политике или о каком-нибудь фильме, который посмотрела по телевизору. Она всегда и во всем посредственна и может лишь бессмысленно повторять то, что другие десятки раз пережевывают. Но ничего не делает для того, чтобы трени-

Дом сестер

ровать свой интеллект. Никогда не читает серьезные книги, а ограничивается лишь любовными романами «Миллз энд Бун»¹. Вздыхает от упоения, всецело отождествляя себя с изображенной на обложке красоткой-героиней в розовом платье в объятиях мускулистого мужчины с темными вьющимися волосами, которая с готовностью подставляет свои пухлые губы для поцелуя. Лора настолько воодушевляется, что в ее чертах на какое-то время даже исчезает выражение страха.

Позже я, может быть, выпью и второй стаканчик виски, пусть даже она потом неодобрительно посмотрит на меня и скажет, что слишком много алкоголя вредно для здоровья. Бог ты мой! Я уже старая женщина. Какое имеет значение, пью я или нет и какое количество?

Кроме того, у меня есть причина для празднования. Но Лоре я ничего об этом не скажу, иначе она начнет причитать. Только что я нацарапала слово «КОНЕЦ» в написанном мною романе и теперь чувствую себя освободившейся от тяжелого груза. Не знаю, сколько времени мне еще осталось, и для меня было невыносимо думать о том, что я могу не успеть. И вот я закончила — и могу теперь совершенно спокойно расслабиться и ждать.

Я написала историю своей жизни. 400 страниц печатного текста. Моя жизнь на бумаге. Точнее, почти моя жизнь. Последние тридцать лет я выпустила, потому что за это время не происходило ничего особенного, а кого интересуют все эти унылые настроения, которые определяют повседневную жизнь старой женщины? Не то чтобы я собиралась кому-то передавать историю, но описывать свою жизнь в преклонном возрасте даже мне самой не доставило бы удовольствия.

¹ Название импринта издательства «Харликвин», под которым издается художественная литература романтической и сентиментальной направленности.

Честно говоря, я должна была бы рассказать о ревматизме, ухудшающемся зрении, подагре, благодаря которой мои пальцы скрючиваются, напоминая когти, но у меня нет желания это описывать. Ни в чем нельзя перегибать палку, в том числе и в откровенных признаниях.

Я и без того поступила достаточно честно. Ни в одном эпизоде я не утверждала, что вела себя весьма достойно, благородно или смело. Конечно, пару раз я испытывала сильное искушение. Было бы так просто — чуть скорректировать здесь и там, что-то завуалировать... Я могла бы применить нечто вроде вербального фильтра размытия, и все то, о чем я рассказала внятно и жестко, обрело бы расплывчатую форму. Если б я многое опустила или описала иначе, то возникла бы приукрашенная картина и неизбежно другая история. Конечно, можно обмануть себя и переписать собственную историю, но тогда встает вопрос: зачем ее вообще писать?

А можно изложить все правдиво. Правда жестока и иногда причиняет боль, но это все-таки правда. Благодаря ей все обретает смысл. Этого я и придерживалась на каждой странице. Хотя спрашиваю себя: не связан ли тот факт, что я писала о себе, Фрэнсис Грей, не от первого, а от третьего лица, с тем что подсознательно надеялась суметь все же немного сплутовать таким образом. «Я» принуждает к значительно более искреннему анализу, чем «она». Но если это действительно было моим скрытым бесчестным мотивом, то я могу сказать, что в конечном счете не соблазнилась на то, чтобы приукрасить невыгодные для себя эпизоды. Я, конечно, обошлась с фиктивной Фрэнсис в третьем лице безжалостно. И это вызывает во мне приятное чувство мужества и силы.

Я как следует спрячу мои воспоминания. Как бы ни любила меня Лора, она все-таки уничтожит их сразу после моей смерти — настолько боится, что кто-то может узнать опреде-

Дом сестер

ленные вещи. Она не может поступить иначе, и вряд ли кто-то смог бы. Несомненно, самым разумным решением было бы все сжечь, так как не имеет никакого значения, что произойдет в итоге с многочисленными исписанными страницами — истлеют они сами по себе в укромном месте или просто перестанут существовать. Для меня сочинительство в любом случае имеет свою цель: вырабатывает точность. Расплывчатые воспоминания обретают четкие очертания, яркие краски. Я была вынуждена действительно предаться воспоминаниям. И с этим смирилась. С собой, со своей жизнью, с судьбой. Простила людей, но прежде всего самое себя. Это было для меня важной задачей, и я ее решила. И все же...

Не могу все это просто предать огню. Затрачено так много труда, так много времени... Я на это не способна. Пусть это ошибка, но я сделала в своей жизни так много ошибок, что еще одна роли не играет.

Тем временем совсем стемнело. Уже давно горит моя настольная лампа. Лора внизу готовит ужин и в сотый раз слушает одни и те же рождественские песни. Она будет рада тому, что после долгого перерыва я снова с аппетитом поем. Ведь Лора всегда сразу думает, что приготовила невкусную еду, если кто-то мало ест. Но в течение тех месяцев, что я писала книгу, у меня возникало такое напряжение, что я вообще не испытывала реального чувства голода. Однако такие люди, как Лора, фантазия которых ограничена узкими рамками, не могут этого понять. После этого она будет сиять и думать, что наконец-то приготовила что-то на мой вкус. И это сделает ее бесконечно счастливой.

Лора почти болезненно зависит от мнения других людей — и больше всего от моего. Я часто задаюсь вопросом: кого она будет преследовать взглядом, в котором читается мольба: «Пожалуйста, люби меня!» — когда меня не будет?

ШАРЛОТТА ЛИНК

Не могу представить себе, что Лора вдруг станет жить на свободе и в независимости. Ей нужен кто-то, чьей благосклонности она может добиваться и кому может во всем угодить. В каком-то смысле ей даже нужен кто-то, кто оказывает на нее давление, иначе она чувствует себя совершенно потерянной в этом мире.

Что-то найдется для нее. Или кто-то. Что-то, кто-то... Все наладится. Я ведь уже сказала: здесь, в Йоркшире, никогда не знаешь, что произойдет...

Фрэнсис Грей

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 22 ДЕКАБРЯ 1996 ГОДА

Поездка не заладилась сразу. Уже с самого утра Ральф был молчалив и задумчив. Но его настроение омрачилось еще больше, когда они в спешке пробежали в аэропорту мимо газетного киоска, где с вращающегося стенда им бросилась в глаза фотография Барбары на передовице бульварной газеты. Ральф остановился, некоторое время в упор разглядывая фотографию, затем поспешно вынул бумажник.

— Оставь! — крикнула нервно Барбара, посмотрев на часы. — Наш самолет может улететь в любой момент.

— На это у нас еще есть время, — ответил Ральф. Он взял газету и передал через стойку монету продавцу. — Похоже, твое фото вышло очень удачным. Как можно его проигнорировать?

Фотография была действительно впечатляющей. На Барбаре был черный костюм, в котором она выглядела одновременно сексуальной и серьезной. Она немного запрокинула голову и слегка открыла рот. Сзади развевались золотистые волосы. Наверху жирными красными буквами было написано: **ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА.**

— Вчерашняя газета, — объяснила Барбара, взглянув на дату. — Фото сделали в пятницу в суде, после процесса по делу Корнблюма. Я не знаю, почему оно вызвало такую шумиху!

Это прозвучало как оправдание, что ее разозлило. Почему она должна извиняться перед Ральфом за то, что выиграла дело и что пресса приняла в этом живое участие? Потому что Ральф находил зазорным то, что его жена была предметом крикливых статей в желтой прессе, потому что нашумевшие дела так или иначе были ниже его уровня, потому что он считал защитников по уголовным делам юристами второго класса? Ральф проводил четкую границу между адвокатами и защитниками по уголовным делам. Он, разумеется, был адвокатом, работал в авторитетном адвокатском бюро и занимался главным образом крупными делами, связанными со страхованием, которыми не интересовался никто, кроме участников процесса. Барбара защищала преступников, совершивших тяжкие преступления, и настолько успешно, что постоянно получала новые дела, которые месяцами держали общественность в напряжении. Ральф зарабатывал больше денег, но Барбара была любимицей журналистов. То, что отличало каждого из них, было для другого бельмом на глазу.

Когда они наконец уже сидели в самолете — успев добежать до своего выхода на посадку в последнюю секунду — и бортпроводники начали разливать напитки, Барбара снова спрашивала себя, как и много раз в последние месяцы: когда в ее брак прокрался постоянно раздраженный тон, нескончаемая агрессия? Должно быть, это происходило постепенно, потому что она не могла вспомнить определенный момент времени. Барбара сама наверняка пропустила первые предупреждающие сигналы. Насколько она могла припомнить, Ральф уже давно говорил о проблемах.

Ее взгляд опять упал на газету, лежащую на коленях у Ральфа. ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА! Пресса такого рода всегда сгущает краски, но факт оставался фактом: она победила! Ведь она и в самом деле вытасила Корнблюма из скверной истории.

Корнблюм был бургомистром небольшого городка. Не очень большая шишка, но, несомненно, человек тщеславный,

Дом сестер

поэтому он старался играть важную роль — по меньшей мере в локальной прессе. Когда его заподозрили в том, что он изрубил топором свою девятнадцатилетнюю возлюбленную, после чего расчленил тело, история мгновенно стала известна широкой общественности. Волей случая фрау Корнблум также впервые узнала, что муж состоял в интимной связи с девушкой из квартала «красных фонарей», что значительно пошатнуло ее, как казалось ей, святой мир. Петер Корнблум превратился в бедного, жалкого человека, который молил о пощаде и понимании и истово клялся в своей невинности. Позже он рассказывал Барбаре, что советовался со своими ближайшими однопартийцами, какого защитника ему выбрать, и те единодушно назвали ему Барбару Амберг. «Она выгадит любого!»

Это было, конечно, не так. Но в то же время она могла занести в свой актив целый ряд успешно завершившихся процессов.

— Ты думаешь, это сделал он? — спросил Ральф, указывая пальцем на небольшую фотографию Петера Корнблума внизу страницы.

Барбара покачала головой:

— Ни в коем случае. Он вообще не из той категории. Но его политическая карьера загублена. И жена подала на развод... Он просто на грани отчаяния.

Она взяла газету и положила ее в сетку на спинке сиденья.

— Не думай об этом. Мы в отпуске, и через два дня будет Рождество.

Ральф вымученно улыбнулся. В первый раз Барбара начала серьезно сомневаться в том, что это была хорошая идея — уединиться с мужем, чтобы спасти их брак.

Вот уже шестнадцать лет повторялось одно и то же: всякий раз, когда Лора Селли на несколько дней или недель покидала Уэстхилл-Хаус, предоставляя постояльцам возможность за определенную плату хозяйничать в доме, это всегда завершалось бесполезными, утомительными и изнуряющими поис-

ками чего-либо, когда она уже теряла уверенность в том, что эта вещь вообще существовала. Может быть, она гонялась за призраком? Лора обшарила каждый уголок старого фермерского дома, снова и снова возвращаясь к одному и тому же месту, наверняка зная, что за это время вряд ли там могло что-то появиться.

С трудом переводя дыхание, она вылезла из стенного шкафа, в который перед этим забралась, несмотря на боли в костях, чтобы в сотый раз перевернуть там все вверх дном. В свои семьдесят лет Лора уже не чувствовала себя самой молодой, к тому же на протяжении нескольких лет ее мучили сильные ревматические боли, которые часто становились нестерпимыми, особенно зимой. Холодные резкие ветра, бушевавшие в долинах Йоркшира, тоже не способствовали улучшению здоровья. Ей пойдет на пользу, если она уедет на Рождество и Новый год к своей сестре на юго-восток Англии, где такой мягкий климат. Только бы за это время посторонние люди...

Она стояла перед шкафом, медленно выпрямляясь, тихо постанывала, прижимая кисть к пояснице, и смотрела в окно на холмистые дуга Уэнслидейла, которые летом были такими зелеными и яркими, а теперь казались голыми и серыми. Обнаженные ветви деревьев гнулись под ветром. По небу неслись низкие плотные облака. Кружились редкие снежные хлопья. По радио сегодня утром объявили, что на Рождество здесь, в Северной Англии, следует ожидать снега.

Посмотрим, подумала Лора, посмотрим. Так или иначе, будет долгая зима. Здесь, наверху,¹ всегда долгая зима. Надо бы продать дом и перебраться в какую-нибудь теплую местность.

Порою у нее возникала эта мысль, но в то же время она точно знала, что никогда этого не сделает. Уэстхилл-Хаус был единственной родиной, которую она знала, ее пристанищем, островком в мире. Она была прикована к этому дому, к этой

¹ Имеется в виду «верхняя», северная, часть Англии.

Дом сестер

земле — пусть даже ненавидела одиночество, — к холоду и воспоминаниям, с которыми срослась. Не существовало ни одного другого места, где она могла бы жить.

— Где же еще искать? — вслух подумала Лора. В доме было множество стенных шкафов, небольших чуланов, укромных уголков. Она знала каждый из них, всюду все перерыла — и не нашла ничего, что заслуживало бы внимания. Наверное, искать было нечего. Может быть, она просто сошла с ума...

Лора вышла из комнаты, спустилась вниз по лестнице на первый этаж и вошла в кухню. Здесь в печи горел жаркий огонь и пахло рождественским печеньем, которое Лора пекла перед обедом, чтобы привезти его сестре. Несмотря на то что уже почти сорок лет в кухне была электропечь, Лора с особой любовью пользовалась железным чудовищем времен начала XX века, на котором когда-то готовили для всей большой семьи. Она так крепко цеплялась за старые вещи, переживала такой страх, если ей приходилось расстаться с чем-то, что прежде было частью ее жизни, что, казалось, теряла часть себя. Все новое Лора воспринимала враждебно. Развитие мира она считала в высшей степени угрожающим и любую мысль об этом старалась быстро гнать от себя.

Лора поставила на плиту воду. Ей очень хотелось выпить чашку горячего чая. Потом она должна упаковать вещи и застелить постели для гостей. Они приедут завтра в течение дня. Супружеская пара из Германии. У нее здесь еще никогда не было немецких постояльцев. Для нее немцы всё еще были врагами по двум мировым войнам. С другой стороны, Петер тоже был немцем... Однако о нем она не любила вспоминать, и на самом деле предпочла бы принять здесь французов или скандинавов. Но ей срочно нужны были деньги, а кроме этой пары не нашелся никто, кто захотел бы снять на Рождество Уэстхилл-Хаус.

Лора регулярно помещала объявление в специальном каталоге, который предлагал в аренду загородные дома. С ее